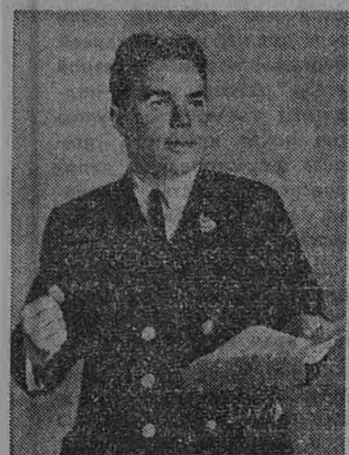

СЕРДЦЕ, ВМЕСТИВШЕЕ МИР

ков, а с обзорами международной и внутренней жизни выступал Дмитрий Фурманов.

Испытанием на прочность были последующие годы с их «молчаливым, еще никем не описанным упорством курсантов, слушателей академий, редакторов, комиссаров и активистов, добывавших культуру, знания», — как писал позже Вишневский. К концу 20-х годов он довольно определенно наметил свой путь как «офицера Генерального штаба в определенной области». Но литература, театр властно позвали к себе, пересилив тягу к военному делу.

«Человек-огонь», «человек-легенда»... Так называли Всеволода Витальевича Вишневского еще при жизни за страстность, вулканический темперамент, за беспредельную преданность делу революции, партии, народа. Ровесник века, он прошел через все испытания, выпавшие на долю поколения, а бурлившие в нем напор страстей, жажда деятельности всегда выносили его на передний край борьбы.

Четырнадцатилетний петроградский гимназист бежит из родительского дома на фронт — в обжигающее пламя первой мировой войны. Один из первых «сынов полка», он становится разведчиком, георгиевским кавалером. В семнадцатом Вишневский примыкает к большевикам, участвует в штурме Зимнего. И когда осенью 1921 года двадцатилетний Всеволод возвращается с Черного моря в Петроград, за его плечами — почти семь лет войны! Бои на Волге и Каме, на Украине, поход Первой Конной, разгром Врангеля — пулеметчик, чекист, агитатор бесстрашно бросается в самые жестокие схватки с врагом. Дважды ранен, и оба раза остался в строю; переборол сыпной тиф...

На полях гражданской войны накаливается громадный жизненный опыт, пробуждается литературный талант Всеволода Вишневского. Он ведет дневник, пишет в новороссийскую газету «Красное Черноморье», где редактором был Федор Глад-

тинов, поэтизация мужества и беззаветности трудового народа в борьбе за свободу, утверждение главенствующей роли коллектива перед отдельным «я» вызывали горячий отклик в сердцах строителей первых пятилеток — эпохи массового коллективного героизма на трудовом фронте.

В написанной в 1931 году пьесе «Последний решительный» сказалась прозорливость, «тонкий талант предчувствовать приближение громадных событий» — как назвал эту черту драматурга Николай Тихонов. В суровые зимние дни 1941-го сам потрясенный удивительным совпадением Вишневский записал в дневнике: «Гибель двадцати восьми гвардейцев под Москвой. Это же абсолютно тема моей пьесы «Последний решительный» — гибель двадцати семи...»

Может быть, именно новаторский характер «Оптимистической трагедии», признанной ныне одной из лучших советских пьес, явился причиной того, что ее не сразу и не все поняли.

Приступая к работе над пьесой, художник задумался над основными вопросами бытия — жизни и смерти. Почему, например, в некоторых произведениях говорится о страхе и не показывается бегство народа и то, какой ценой добился он социального освобождения? «Оптимистическая трагедия» с огромной художественной силой утверждала непобедимость революционной идеи, человеческого духа. Комиссар мертв, но нескончаем поток тех, кому никто и ничто не может помешать выполнить свой долг перед революцией, перед народом.

После премьеры «Оптимистической трагедии» в Московском камерном театре К. Е. Ворошилов от имени бойцов РККА объявил благодарность драматургу и театру. А выступивший затем немецкий писатель коммунист Фридрих Вольф подчеркнул интернациональное значение пьесы: «У нас, на Западе, плакатно: матросы против офицеров. Вы же дали процессы внутри масс 1917—1918 годов, показали сложность большевизации,

методы комиссарско-чекистской работы — не лобовые, а тонкие, — так строят армию и т. д., и нам понятно теперь, как это делается: учет, анализ, ориентировка, работа с каждым объектом по-разному... Это пьеса о большевистской стратегии и тактике, показ нервной системы, а не скелета...»

С именем Всеволода Вишневского связана и одна из ярких и значительных страниц советского кино. По сценарию Е. Дзигана, его работа отличалась не только всегда присущими этому большому художнику партийностью, страстностью, патриотизмом, народностью, но и особенным, пренеполненным энтузиазма отношением к кино.

За создание фильма «Мы из Кронштадта» Вс. Вишневский и Е. Дзиган были награждены орденами Ленина. Фильм пользовался огромным успехом, обошел экраны многих стран мира, продолжает демонстрироваться и в наши дни. Больше всего радовало Вишневского то, что картину смотрели рабочие Запада, бойцы интернациональных бригад, дравшиеся в Испании. К сожалению, он уже не мог услышать слова, сказанные в 1960 году Долорес Ибарри, которые были бы для него высочайшей похвалой: «Испанский матрос Антонио Коль был первым, кто с успехом атаковал танки ручными гранатами. Потом бесчисленные группы антифашистов последовали его примеру, и все они утверждали, что если бы они не видели фильма «Мы из Кронштадта», то не посмели бы бороться против танков...»

Как-то Вишневского спросили, почему он пишет только о войне. Ответ последовал тут же: пусть каждый делает для революции то, что он умеет делать лучше. И Вишневский стремился трудиться именно так, с полным напряжением сил, с высочайшими внутренними требованиями к себе.

Есть писатели, которые успешно, а то и с блеском проявляют себя в журналистике, но словно стесняются, стыдятся раскрытия этой грани своего дарования. Все-

волод Вишневский же не уставал повторять, что он не «узкий профессиональный литератор». Уже в ночь на пятый день войны специальный корреспондент «Правды» Вишневский — в Таллине, и до мая 1945 года его статьи, очерки, репортажи с фронта регулярно появлялись в печати.

О Вишневском сложилось довольно устойчивое представление как о публицисте преимущественно эмоционального склада, для которого главное — ораторская интонация, повелительная форма лозунга. Но в печатных выступлениях и в ленинградский период, и в последние месяцы войны (например, в описаниях «технологии» уличных боев в Берлине) Вишневский раскрывается и как журналист аналитического склада, детально, последовательно показывающий, как надо воевать.

Наверное, немногим известно, что прежде, чем стать профессиональным писателем, Всеволод Вишневский прошел почти все ступени редакционной иерархии — от литературного сотрудника до главного редактора различных изданий (газета «Красный Балтийский флот», радиогазета «Красный моряк», журналы «Красный флот», «Знамя»).

В своих выступлениях по Ленинградскому радио он обращался к патриотическим и национальным чувствам советских людей — ведь такие черты русского человека, как постоянный поиск, бесстрашие, выносливость, неприхотливость, природная сметка, самозабвенность и самоотверженность в бою, становились реальной силой в борьбе с врагом.

Бойцовский темперамент, эмоциональная обостренность восприятия жизни, редкий дар импровизации и отточенное ораторское мастерство — все это как бы говорило: Вишневский был рожден для радио. Его публицистика — целый этап в развитии отечественного радиовещания — именно он одним из первых показал, как богата и яркая личность может раскрыться у микрофона.

Слово писателя слышала

вся страна. «Хочу сказать тебе, что я, как и большинство москвичей, с волнением читаю все, что ты пишешь в «Правде». Все это проникнуто большим чувством и силой, поистине разящей», — писал ему Александр Фадеев. А в конце 1943 года, уже в Москве на встрече с писателями, к Вишневскому подошел народный поэт Гафур Гулям, обнял его и сказал: «У меня убит сын под Москвой и шестнадцать человек из моего рода на войне... Я переведу твои статьи и перепису их красивым тонким почерком...»

В годы Отечественной войны Всеволод Вишневский создал новые драматургические произведения «У стен Ленинграда» и «Раскинулось море широко» (совместно с В. Азаровым и А. Кроном). А уже в послевоенное время логическим продолжением работы по художественному осмыслению революционных, боевых страниц истории народа явилась написанная им пьеса «Незабываемый 1919-й», которая была удостоена Государственной премии.

«Это — новый Вишневский. Мы его таким не знали», — сказали многие, когда вышел в свет собрание его сочинений. Кроме пьес и рассказов, в него вошли роман-эпопея «Война», «Дневники военных лет», публицистика (незначительная часть), переписка, воспоминания.

В рецензии на рукопись шестого тома сочинений Вишневского Александр Макаров сказал: «...он был певцом своей кипучей натуры, своего неукротимого характера бойца, созданного духом революции. Помимо созданных им в драматургии образов солдат и матросов, им создан еще один образ героя нашего времени — образ самого Всеволода Вишневского... Человека большой судьбы, целеустремленного, непримиримого, ищущего, мучающегося, не уклоняющегося от ударов, а сознательно ввязывающегося в идейную драку, чтобы отстоять свое credo. Возможно, когда-нибудь литературная критика введет этот образ в обиход, как литературный образ положительного героя».

Справедливая, перспективная мысль.

В. ХЕЛЕМЕНДИК,
кандидат исторических наук.

«Сов. культура», 1975, 19 дек